

# Живу, ни перед кем не отчитываясь, кроме жены и Господа Бога

Зрители знают этого молодого режиссера по дебютной ленте "Змеиный источник", вызвавшей немало споров в среде кинематографистов и критиков. Недавно Лебедев закончил фильм "Поклонник", который на фестивале "Киношок-99" уже успел получить премию жюри прокатчиков "За зрелищность и высокое профессиональное мастерство", а также приз "За лучшую женскую роль".

— Придется сознаться, что я не смотрела вашу новую работу...

— Могу вас успокоить: фильма вообще никто не видел за исключением узкого круга фестивальных завсегдатаев и критиков. Меня уже замучили вопросом: "Ну когда же премьера?" Насколько мне известно, фильм выйдет на экраны осенью. Надеюсь, что осенью нынешнего года... Но окончательное решение — за продюсерами и дистрибьютерами.

— Вы окончили не только ВГИК, но и факультет журналистики. Это что — стремление обьять необъятное?

— И да, и нет. Я был до безобразия застенчивым и закомплексованным ребенком. Мой папа, бывший военный, твердил: "Я — последняя буква в алфавите". Это, конечно, верно, но ведь человек — не буква. Мне казалось, что меня не любят, что я обуза. И тогда придумал себе мир иной, иллюзорный, сияющий за рамкой киноэкрана. Это был мир, куда можно убежать, как в сказку, где светло, солнечно, дружелюбно. А раз этот заэкраный мир так хорош и совершенен, значит, и создают его совершенные, вроде небожителей, люди.

Какая наивность!.. Надо ли говорить о том, что с первого захода во ВГИК я не поступил. Марлен Мартынович Хуциев, набравший курс, строго смотрел на меня сквозь выпуклые стекла очков и в упор не видел. А у меня ноги подкашивались и в горле пересохло. Боже мой, вот он, классик, мэтр, настоящий живой кинорежиссер! Теперь у нас очень добрые отношения с Марленом Мартыновичем, но признаюсь, при встречах с ним я испытываю не только пиетет, но и большую робость: он для меня остался Мастером, которому я не сдал самый первый и очень важный экзамен.

Выйдя за порог ВГИКа, я оказался в родителем просто-таки заставили подать документы в университет на факультет журналистики.

Здесь тоже были серьезные замены, собеседование. Меня спросили: "Почему вы хотите стать журналистом?" Я ответил: "А я не хочу им быть". Вся профессура воззрилась на меня, как на сумасшедшего. А я, потупив взор, пояснил, что мечтаю стать кинорежиссером, но пока согласен походить и в журналистах, раз уж жизнь так складывается.

— Журналистика способство-

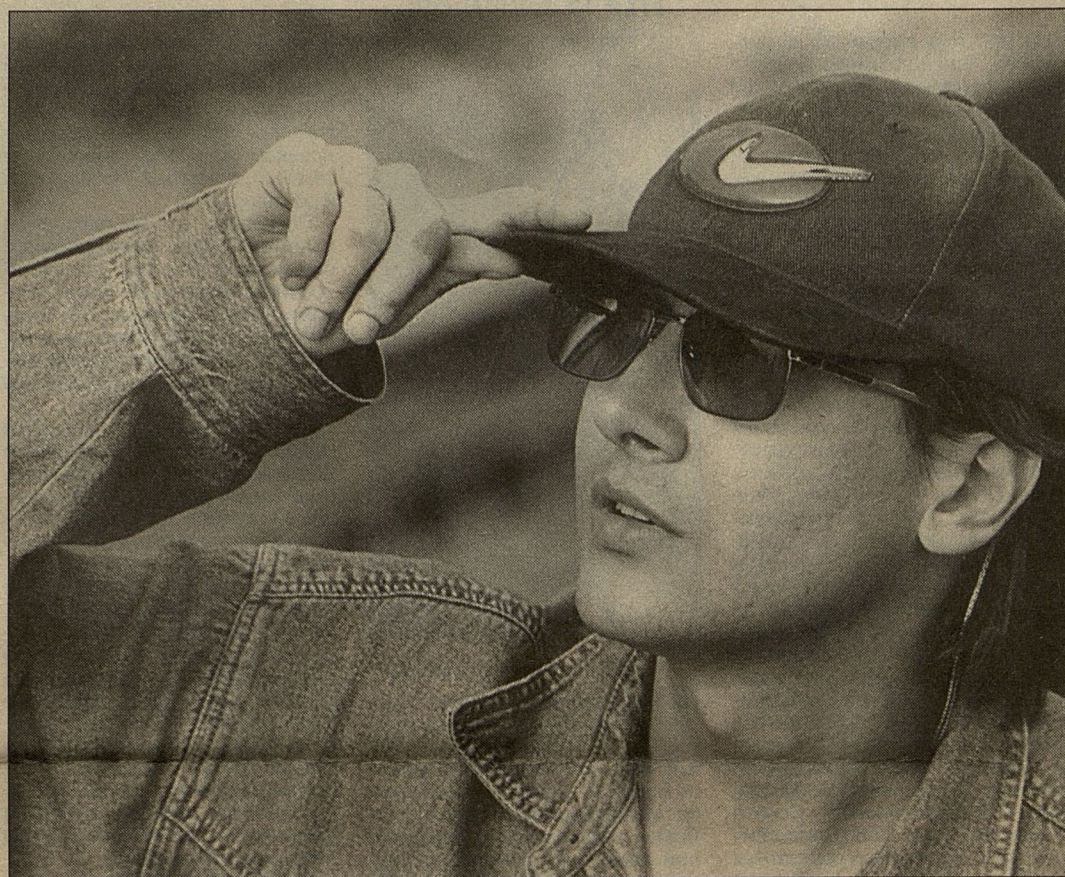


Фото В. МАЙКОВА

вала формированию режиссерского характера?

— А то! Никогда не забуду первое в жизни интервью. Мне было шестнадцать, я был тонкий, звонкий и притом идеалист до неприличия. Я получил задание спросить о музыке в кино композитора Евгения Доду. Готовился две недели: слушал его музыку, прочел грудку литературы... Пришел. Причесанный, в парадном костюмчике... ну, словом, мальчик-отличник. Меня проводили на кухню. Мэтр ел пельмени. Он даже не взглянул на меня, когда я вошел. Уместившись на краешке скамьи, я задавал вопросы, а он эдак через губу что-то цедил. Доев пельмени, взобрался на стремянку, чтобы побелить потолок с помощью пылесоса. Сажу я под стремянкой. Костюм, моя гордость, весь в краске. Волосы белые. Лист бумаги, на котором я прилежно записал вопросы, покрывшись слоем известки... До сих пор этот "отштукатуренный" листок хранится у меня как реликвия.

Могу совет дать, он оплачен моим горьким опытом: если хочешь уверенно существовать в профессии, нужно уметь быть жестким и временами даже злым. Чтобы тебя не выкрасили ненароком в чужой цвет... И тогда я стал бороться с самим собой. Ноги подкашивались, а все-таки шел на интервью — новые и новые. Причем, как правило, со звездами, от которых только и жди подвоха. Меня никто не заставлял, я дрессировал себя сам.

Помню, как пришел на съемочную площадку фильма "Подсудимый". Иосиф Хейфиц, знаменитый кинорежиссер, классик, человек-легенда, знакомясь, встал, чтобы позвать мне, студенту-второкурснику, руку. Он меня видел первый

и последний раз в жизни. Ему было восемьдесят, он мог бы не вставать. Подлинная интеллигентность дорогого стоит.

И никогда не забуду, как Светлана Тома, уже очень известная актриса, металась за кулисами перед самым выходом на сцену. Я наблюдал за ней и думал: к чему такая суеда? Оказалось, Светлана искала стул, чтобы я, молодой корреспондент, не ждал ее стоя. Теперь, через столько лет, Светлана Тома оказала мне честь и сыграла небольшую, но важную роль в фильме "Поклонник".

Нет, мне грех жаловаться: журналистская судьба дарила интересные встречи с удивительными людьми. Некоторые из них стали прототипами героев моих сценариев. Иные дожидаются своего часа. Может, еще и увидим их на экране.

— И все-таки, когда и как был сделан первый шаг в сторону кино?

— Ну в сторону кино я с пяти лет глядел. Едва научившись писать, уже царапал в тетрадке режиссерские сценарии фильмов. Первый из них назывался "Лиса и журавль", в нем было целых четыре кадра. Отчетливо помню кадр первый, он звучал так: "Общий план. Подружились лиса с журавлем".

А в десять лет я принес на киностудию толстенную тетрадь с двухсерийным сказочным триллером "Волшебник Изумрудного города" по мотивам известной сказки Волкова. М-да, я был мальчуган настырный... К счастью, этот труд не постигла судьба прочих моих "ранних" работ, которые отец просто рвал на части. Сценарий сохранился, я его с удивлением перечитываю: в нем заложены сюжетные ходы и стилистические киноприемы моих нынешних фильмов.

Справедливости ради, папа в

конце концов поверил в меня и на одиннадцатилетие подарил кинокамеру. Это был королевский подарок! С помощью этой камеры я снимал свои первые любительские фильмы.

Потом, уже работая в газете, параллельно делал программы на телевидении и тем самым поддерживал "рабочий тонус". А в 1991 году пришел в Экспериментальное молодежное объединение на "Мосфильм". Кинодраматург и поэт Юрий Арабов, который в то время был одним из худруков "Дебюта", и редактор объединения Лияна Королева взяли меня под свое крыло. Вероятно, на них произвела впечатление упорность, с которой я раз в месяц, как штык, приносил очередной сценарий.

Так был снят мой первый профессиональный опус "Ночлеги. Пятница" — между прочим, в жанре мистического триллера.

А потом в стране рухнуло кинопроизводство, я остался без работы. На несколько лет. Пустота и отчаяние.

А все же мне вновь повезло, да как! Я познакомился с Валерием Тодоровским, которому пригласился мой сценарий "Змеиный источник". И с легкой руки Тодоровского и тогдашнего директора Студии Горького Сергея Ливнева я очутился в Большом Кино.

Всем известно, что Валерий — прекрасный режиссер, лидер молодого поколения, но он ведь и продюсер великолепный! Работать с ним — колоссальное удовольствие. Он умен, точен и тактичен. Его идеи всегда свежи и своеобразны и никогда — банальны. Он помог мне подобрать актеров. Он срывался со съемок "Страны глухих", чтобы посмотреть очередную монтажную сборку "Змеиного источника". Он приносил в фильм за-

мечательные придумки. Все, что предлагал Валерий, удивительно точно вписывалось в контекст моей истории. До сих пор жалею, что не воспользовался некоторыми советами.

Кстати, сценарий "Поклонника" тоже был написан по настоянию Тодоровского, который затем стал и продюсером картины.

— Ваши картины сделаны в редком для отечественного кино жанре триллера. Вы отдали предпочтение триллеру, чтобы привлечь массового зрителя или есть другие мотивы?

— Я всегда тяготел к историям, стоящим над действительностью, с особым уровнем условности и напряженным действием. Зачитывался страшными и загадочными произведениями Гоголя, Пушкина, Булгакова, Эдгара По. Недавно кто-то из современных критиков назвал "Пиковую даму" психологическим триллером. Подумаешь, бином Ньютона: я это сызмальства знал!

Люблю триллеры. И жанровое кино в целом. У нас ведь жанры всегда тоже пропускались сквозь идеологическое сито, тем более в кино, всегда предельно заидеологизированном.

Наш кинематограф абсолютно не учитывал (да и до сих пор не очень желает с этим считаться), что зритель наиболее полно понимает и принимает именно жанровый язык кино. И кажущиеся на первый взгляд антижанровыми картины Феллини — они ведь тоже базируются на жанровых моделях. Другой вопрос, что Феллини их перелицовывает, подчиняет своей авторской задаче, принимает или опровергает — однако все равно классические жанровые формы остаются единственной точкой отсчета как в зрелищном, так и в авторском кино.

— Раскрываете ли вы с помощью триллера тайны, скрытые в человеческой психике, в самой повседневной жизни, или просто манипулируете критическим противостоянием "маньяк — жертва"?

— Даже самая захватывающая история скучна и неинтересна, если в ней нет живого человеческого наполнения. И "Змеиный источник", и "Поклонник" — это драмы характеров, человеческих столкновений, а вовсе не "кино про маньяка", как не слишком изобретательно высказался один известный киномодель.

Вообще, по моему разумению, жанр — это форма, а не содержание. В своих картинах я пытаюсь выстроить философскую модель мира, а не загадывать загадку "кто же убийца?", загоняя зрителя в детективный лабиринт.

Я вдруг неожиданно обнаружил, что рассказываемые мною истории — все! — о трагическом одиночестве человека во всегда враждебном ему мире, об обреченных попытках найти счастье и покой. Об этом — "Змеиный источник". И "Поклонник".

— Вторая картина — с виду вполне обыкновенная житейская история. Тринадцатилетняя девочка переживает внутреннюю драму в связи с разводом родителей. В глазах ребенка это крушение ми-

ра. Она пытается переустроить окружающую жизнь по своему разумению, и это приводит к катастрофе. Семейная история трансформируется в триллер. Trill, напомню, — это "нервная дрожь" в переводе с английского. Причем дрожь приходится как персонажам фильма, так и зрителям. Но это — одно из условий нормального функционирования жанра.

— Как складываются ваши взаимоотношения с актерами?

— Замечательно. Я люблю актеров, и они иногда даже отвечают мне взаимностью. Хотя заслужить актерское доверие непросто. Ольга Остроумова, скажем, очень настороженно относилась к сценарию "Змеиный источник". Он ей казался излишне мрачным и пессимистичным. Помню, мы встретились за кулисами Театра им. Моссовета; Остроумова — огненно-рыжая, ослепительно красивая и отстраненная — наблюдала за мной сквозь ресницы. Я понимал, что сдаю экзамен. Потом были пробы — не столько Остроумовой на роль Тамары Георгиевны, сколько меня на роль режиссера, имеющего право руководить такой актрисой. Остроумова была великолепна. Я — так себе, но она меня все-таки "утвердила". На съемках мы заспорили всего один раз и поэтому сняли два дубля: "мой" и "ее". Посмотрев их, Ольга Михайловна прилюдно признала, что "мой" лучше. Дальше мы доверяли друг другу абсолютно.

С Евгением Мироновым ситуация была столь же непредсказуемой. Я ему предложил роль, а он отказался. Я был в отчаянии и именно от отчаяния совершил абсолютно невообразимый поступок, повторяю который не рекомендую никому. Я ему позвонил (причем сам Миронов утверждает, что было три часа ночи, какой кошмар!) и завопил в трубку, что не представляю, как снимать фильм без него!.. Что жизнь кончена!.. Что я умираю!.. Что у меня вот уже температура поднялась!.. "Коля, — строго произнес Миронов на другом конце провода, — не температуру!" И... согласился сниматься. Правда, совсем в другой роли. Работать с ним было замечательно!

А Елена Сафонова, а Нина Усатова, а Сергей Гармаш, Борис Щербаков, Лев Борисов, Светлана Тома, Нина Гребешкова!.. Я был восторженным зрителем на съемочной площадке, и эти удивительные артисты играли придуманные мной ситуации, произносили мой текст!.. С ума сойти можно.

— Как на сегодняшний день кино изменило вашу жизнь?

— Кино вдохнуло в мою жизнь ритм и смысл. Знаете, Годар однажды написал о режиссерском труде: "Тот, кто прыгает в бездну, уже не обязан давать отчет тем, кто за ним наблюдает". Уже одно то, что я с некоторыми пор живу, ни перед кем не отчитываясь, кроме моей жены и Господа Бога, — это и есть самое большое и серьезное изменение. Мне нравится так жить!

Беседу вел  
Диана РАДБЕЛЬ

20.4.2000.

Лебедев Николай